

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

**Стратегии и тактики ухода от правовой ответственности в аспекте
теории речевых актов**

основная образовательная программа магистратуры по направлению
подготовки 45.04.02 «Лингвистика»

Исполнитель:
обучающийся 2 курса
Образовательной программы
«Юридическая лингвистика»

очной формы обучения
Иванова Анна Андреевна

Научный руководитель:
д.ф.н., профессор Садова Т. С.

Рецензент:
к.ф.н., ст. научный сотрудник ИЛИ РАН
Козловская Н. В.

Санкт-Петербург
2018

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Речевые правонарушения в аспекте лингвистической экспертизы.....	7
1.1. Правонарушение и судебная лингвистическая экспертиза.....	7
1.2. Методы исследования в лингвоэкспертной деятельности.....	9
1.3. Стратегии и тактики ухода от правовой ответственности	13
1.4. Выводы.....	21
Глава II. Теория речевых актов как способ изучения правовой коммуникации	23
2.1. Основы теории речевых актов.....	23
2.2. Условия успешности и эффективности речевых актов	33
Глава III. Речевые признаки недобросовестной коммуникации как инструменты реализации тактик ухода от правовой ответственности	42
3.1. Языковые средства выражения семантики неопределенности как способ реализации тактик ухода от ответственности.....	42
3.2. Использование речевой стратегии de re вместо стратегии de dicto	45
3.3. Средства экспрессивного синтаксиса, реализующие неискренний дискурс.....	50
Заключение	57
Источники	61
Список литературы	61
Словари.....	69

Введение

Важнейшими аспектами современного изучения языка являются коммуникативный и прагматический, т.е. в центре внимания лингвистов оказываются факторы, связанные с условиями и различными характеристиками конкретной речевой ситуации. «Прагматика — это своеобразная семантика языка в действии, ибо она включает комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом и их взаимодействием в коммуникации» (Кулинич 2007: 7).

В настоящем исследовании предпринимается попытка установить структурные и прагматические особенности тактик ухода от правовой ответственности в рамках социально значимой коммуникации.

Теория речевых актов, как известно, сосредоточивает внимание на «семантике языка в действии»; с этой точки зрения в работе и будут рассмотрены три уровня (или аспекта) конкретного речевого акта:

- 1) локутив — это речевой акт сам по себе, предложение с его лексико-грамматической, фонетической, семантической структурой и значением;
- 2) иллокутив — это намерение говорящего, заключающееся в речевом акте;
- 3) перлокутив — это воздействие, которое речевой акт оказал на собеседника.

Итак, **предметом** рассмотрения настоящей работы явились собственно лингвистические средства реализации локутивного уровня; обобщенная и целостная характеристика высказывания, входящего в речь говорящего, в текст, как средства осуществления иллокутивного аспекта, имеющего внеязыковые цели.

Актуальность темы состоит в том, что она находится в русле антропоцентрического подхода в изучении языка, в рамках которого повышенный интерес уделяется человеку как носителю и творцу языка. В языке отражается определенный тип культуры и социального поведения

человека, обусловленные разнообразными факторами. Эти факторы также привлекают наше внимание. Исследование находится в области юрислингвистики, новой междисциплинарной отрасли, совмещающей пересечение проблем лингвистики и права.

Научная новизна исследования заключается в том, что ранее разработанная научная концепция управления правовыми рисками в публичной коммуникации будет впервые (насколько мы можем судить) подвергнута анализу с точки зрения теории речевых актов. Переход в область социальной прагматики, взаимодействующей с областью права, дает возможность уточнить и конкретизировать некоторые аспекты лингвистической экспертизы, в частности, теоретическую базу, необходимую для интерпретации материала, с которым работает эксперт.

Материалом исследования являются данные судебной практики, текстов СМИ, сформированные в ходе мониторинга печатных изданий – газет «Комсомольская правда», «Труд», «Советский спорт», электронных изданий – сайтов «РБК Daily», «Известия», данные Национального корпуса русского языка газетного подкорпуса. При сборе материала было просмотрено более 3000 текстов, общее число отобранного материала – 533 контекста.

Существующие стратегии и тактики ухода от правовой ответственности, описанные М. А. Осадчим (Осадчий, 2013), никогда не рассматривались в аспекте теории речевых актов.

В качестве **гипотезы** диссертационного исследования можно принять следующее утверждение: с точки зрения логики закона, т.е. с точки зрения права, человек может избежать правовой ответственности за свои речевые поступки, используя одну из тактик, однако с точки зрения языковой прагматики, его основной коммуникативный замысел будет достигнут.

Цель работы — с позиции теории речевых актов исследовать стратегии и тактики ухода от правовой ответственности.

Основное внимание в этом исследовании будет уделено тем случаям, при которых правовой аспект (ненаказуемость с точки зрения закона) будет расходиться с коммуникативным (достигнутая цель коммуникации).

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому свободу мысли и слова (Конституция РФ, ст.29), однако зачастую возникают речевые ситуации, при которых что утверждение о фактах может быть осложнено оценкой, что не регулируется с точки зрения права. Выражение мнения в высказывании, то есть невозможность его верификации, полностью лишает возможности квалифицировать это высказывание как правонарушение. Очевидно, что такие категории речевого действия, как коммуникативное намерение, цель, интенция имеют неустойчивые языковые признаки и не всегда отражены в тексте, но теория речевых актов позволяет (эксперту – прежде всего) более точно определить коммуникативный замысел говорящего, разделив высказывание на три уровня, которые были описаны выше.

В связи со сказанным перед нами стоят следующие **задачи**:

1) изучить теоретические основания предлагаемой проблемы: речевые правовые риски, тактики ухода от правовых рисков, юрислингвистический аспект речевой ответственности, теория речевых актов, конфликтность речевого акта;

2) методом сплошной выборки из материалов, опираясь на классификацию М. А. Осадчего, проанализировать полученные высказывания, выявить их конфликтность и стратегию ухода от правовой ответственности;

3) проанализировать возможные способы трактовки речевого поведения говорящего, применив теорию речевых актов;

4) сформулировать основные тенденции, характерные для современного этапа развития лингвоконфликтологии.

Настоящее исследование имеет и практический выход: нам представляется, что теория речевых актов, примененная в лингвоэкспертной

деятельности, поможет разрешить вопросы, связанные с проблемой точной квалификации речевых преступлений.

В качестве **методов** в работе использовались следующие: метод лексико–грамматического и функционально–семантического анализа изучаемых единиц текста, метод описания языкового материала и внеязыковых целей адресанта, а также их тематической классификации в зависимости от «направлений различий между иллокутивными актами» (Сёрль, 1986: 172) и тактиками ухода от ответственности, метод сравнительного анализа полученных данных, метод научного наблюдения.

Глава I. Речевые правонарушения в аспекте лингвистической экспертизы

1.1. Правонарушение и судебная лингвистическая экспертиза

Лингвистическая экспертиза в России стала востребованной в постсоветский период. Демократизация общества неизбежно привела к демократизации языка. В большой степени это связано с Законом Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 № 2124-1, так как основная доля исков подавалась именно к СМИ, преимущественная часть дел была связана с вопросами защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан. В настоящее время в обществе все яснее понимание того, что речевое преступление так же наказуемо, как любое другое. «Текст, речевые произведения все шире используются как *Corpus delicti*, так как в них содержатся объективные признаки преступления, совершенного посредством речи» (Горбаневский, 2004: 7).

Юридическая лингвистика, в рамках которой выполнена данная работа, представляет собой особое научное направление, нацеленное на изучение языка во взаимоотношении его с правом, причем в трех случаях: язык — объект правового регулирования, язык — инструмент правового регулирования, язык — предмет правового регулирования. Именно третий тип взаимоотношений вскрывает «лингвоэкспертную функцию практического знания языка и теоретических знаний о языке, требующих обращения к специальной лингвистической компетенции» (Голев, 1999: 12). Объектом лингвистической экспертизы становится устный, письменный, креолизованный текст, а сама экспертиза представляется полноценным исследованием, цель которого — анализ целого текста или его единиц с ответом на вопросы о наличии признаков, способные быть квалифицированы судом как правонарушение.

Определение термина «речевое преступление» дал А. Р. Ратинов, однако он рассматривал его в контексте дел, вменяемых преимущественно СМИ.

В наши дни становится очевидным тот факт, что такие преступления совершаются и в повседневном общении. «Их особенность состоит в том, что совершаются они посредством вербального поведения, путем использования продуктов речевой деятельности, то есть текстов, распространяемых в средствах массовой информации. В самом тексте опубликованного или переданного в эфир материала (и только в нем) заключен сам *Corpus delicti*, все объективные признаки судимого деяния. Никаких других источников доказательства правонарушений по делам этой категории не существует...» (Ратинов, 2004: 104). Эксперту необходимо вычленять в каждом тексте признаки конкретного правонарушения.

В рамках исследования будут рассмотрены и разобраны следующие статьи:

1. Защита чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц (ст. 152 Гражданского Кодекса Российской Федерации);
2. Оскорбление (ст. 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях);
3. Клевета (ст. 128.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации).

Стоит отметить, что в задачи исследования не входит квалификация материала по приведенным статьям, поскольку этот вопрос находится вне зоны компетенции исследователя. Отобранный материал либо уже был квалифицирован по одной из статей (на основе данных судебной практики), либо поиск велся по ключевым словам-маркерам определенной тактики ухода от правовой ответственности, о которых будет сказано в параграфе 1.3.

1.2. Методы исследования в лингвоэкспертной деятельности

Лингвистическая экспертиза как продукт деятельности лингвиста-эксперта представляет собой научное исследование, которое строится на определенных методах и методиках. Официально установлено, что эксперт должен указывать все методы, используемые в своем исследовании. Это необходимо для того, чтобы доказать объективность своей работы и дать возможность проверить полученные результаты в независимом исследовании с привлечением тех же самых методов и методик.

Комплекс традиционных методов, в основном сугубо лингвистических, в каждой экспертизе разный, поскольку и вопросы, которые ставятся перед лингвистом-экспертом, разные. Экспертное заключение должно быть объективным, полным, а методы должны соответствовать выводам эксперта. «Проблема методов изучения (их объективности, воспроизводимости, верифицируемости) является сложной для гуманитарных исследований в целом, но для экспертной практики принципиально важной, поскольку определяет научный уровень лингвистических исследований, степень их доказательности» (Баранов, 2017: 19).

О проблеме метода в лингвистической экспертизе писали многие ученые, в том числе: Н. Д. Голев (2002), Е. И. Галяшина (2003), К. И. Бринев (2009), А. Н. Баранов (1990, 2007), В. Н. Базылев (2000) и др.

Лингвистический анализ представляет собой глубокое и многоаспектное исследование, которое может основываться на традиционных (стандартных), модернизированных, адаптированных, новых методах анализа языкового материала, главное, чтобы полученные результаты были надежными и стабильными, тогда любой из этих методов станет объективным, воспроизводимым и верифицируемым.

Поскольку объектом лингвистического исследования является текст, то очевидно, что перед экспертом стоит задача изучить все уровни этого текста: лексический, морфологический, синтаксический, стилистический, в

частности, анализируя конкретную лексему, применяется этимологический, семантический, морфемный метод анализа. Приведенные методы использовались в ходе начального этапа развития лингвистической экспертизы, потому и читаются стандартными методами анализа, которые дают надежные результаты. Например, в сборнике «Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации» (2001), выпущенном под редакцией М. В. Горбаневского, представлены исследования, опирающиеся на традиционные методы.

В экспертном заключении Ю. А. Сафоновой и Б. С. Шварцкопфа (Экспертиза 1) при ответе на поставленный вопрос приводятся статьи из толковых словарей русского языка, дается комментарий к ним, проводится стилистический и семантический анализ лексемы *вотчина*. Вопрос к экспертам был сформулирован следующим образом: *Какова оценка использования слова вотчина в современном (переносном) смысле, а также в контексте всей публикации (статья Т. Турагиной и А. Атанасова “Бюджет-97: пирог поделен, крошек не осталось” в газете “Нефть Приобья” № 2, 1997)?* Проанализируем часть ответа экспертов: *Слово вотчина используется в языке исторической науки как термин, обозначающий существовавшее с XII в. по XVIII в. родовое наследственное земельное владение феодала (см.: Толковый словарь русского языка: В 4 т./Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935, с. 382; С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 100; Большой энциклопедический словарь: Т. I, 1991, с. 249). С точки зрения современного русского языка в указанном выше значении слово вотчина относится к пассивной лексике, а именно к историзмам, то есть к словам, которые вышли из активного употребления в связи с тем, что исчезли или стали неактуальными обозначаемые ими понятия (ср.: вече, армяк и др.). Отнесенности к историзмам соответствует специальная помета истор. (см.: Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова).* Авторы экспертизы, опираясь на авторитетные

источники, облигаторно добавляют ему объективность. Прежде чем ответить на поставленный вопрос, эксперты дают общее толкование слова, описывают пометы к нему, дают свой комментарий, поясняют некоторую терминологию (историзмы), без этих пунктов было бы трудно претендовать на понятность исследования, поскольку не было бы полноты и всесторонности экспертизы.

Обратимся к экспертизам, проведенным гильдией лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС). Не будем останавливаться на том, что эти экспертизы существенно отличаются по своей структуре, но обратим внимание на методы исследования. «Для разрешения поставленных вопросов использовались методы анализа значений слов, высказываний и текста в целом, разработанные в лингвистической семантике, лингвостилистике, лингвистике текста, словообразовании, в том числе трансформационные. Исследование проводилось в соответствии с методиками лингвостилистического, текстологического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа русскоязычного текста, рекомендованными к практическому использованию решением Научно-методического совета при Правлении ГЛЭДИС» (Заключение комиссии экспертов-лингвистов №39-10/12, 2012: 7). Эксперты описывают все методы, примененные в ходе исследования, это соответствует нынешним институциональным требованиям к экспертизе. Анализируя спорный фрагмент *«Сейчас невозможно ответить на вопрос: почему прежний мэр Петрозаводска А. Дёмин оказался столь щедрым к бизнесмену Д. Алиханову, ныне первому вице-спикеру парламента Карелии, но всем понятно, что нужно прекратить подобную благотворительность за счёт горожан»*, эксперты выделяют лексику *столь*, дают ее толкование по словарю, затем разбирают контекст употребления лексики, привлекают предшествующие контексты, делают вывод. Такой основательный подход к исследованию дает возможность суду убедиться в его прозрачности и точности, что гарантирует его объективность.

Однако необходимо обратить внимание на то, что многие экспертные заключения, основываясь на интроспекции, т.е. «источником информации является интуиция исследователя» (Бринев, 2009: 59), утрачивают методологическую базу. Проводимое исследование осуществляется «стихийно, индивидуально-субъективно; эксперты (лингвисты, вузовские преподаватели, учителя-словесники, журналисты) опираются в основном на свой профессиональный (филологический) и житейский опыт...» (Голев, 2002: 16). Большое количество подобных экспертиз встречаются в уже упомянутом сборнике «Цена слова...». Например, на поставленный вопрос *«Содержатся ли в публикациях “Газеты вопросов” высказывания, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды?»* эксперт Ю. А. Сафонова отвечает: *«В целом тексты “Газеты вопросов” содержат публикации, в которых авторы пытаются (достаточно непрофессионально, не владея нормами литературного языка) донести некую “правду” о бедах русского народа. <...> Цель всех публикаций - рассказать об этом “заговоре” и научить, как определить признаки “заговора” и как противостоять “заговору”. По мысли публикаторов, противостоять можно, только располагая полной информацией об этом “заговоре”. Такую информацию (о “заговоре”) и дают авторы “Газеты вопросов”. При этом авторы публикаций считают, что русский народ сам виноват, что не интересуется информацией и что так легко поддается на “обман”. <...> Прямых высказываний, направленных на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, в “Газете вопросов” не содержится. Как было сказано выше, все публикации “Газеты вопросов” направлены на возбуждение чувства собственного достоинства русских в том виде, как его понимают авторы публикаций (основной признак такого достоинства, по мысли авторов, - отсутствие дружбы с евреями, бдительность по отношению к евреям)»* (Экспертиза 23). Оценка содержания, интенциональный анализ проводятся без опоры на

теоретическую базу, авторитетные источники, нет толкования используемых терминов, эксперт опирается на свой профессиональный опыт.

Применение традиционных методов при проведении подобных исследований не представляется возможным, потому что поставленный вопрос требует глубокого и комплексного анализа не только текста, но и внетекстовых связей, необходимо дать четкую характеристику понятий, употребляемых в исследовании, выявить и обосновать те или иные признаки возбуждения национальной, расовой или религиозной вражды.

Выявленные недостатки нельзя расценивать как некомпетентность эксперта. Суть этих замечаний сводится к тому, что в такой молодой науке, как юридическая лингвистика, еще не сложилось достаточно полной и адекватной методологической базы, которая смогла бы обобщить все достижения практической деятельности. «Из всего этого вытекает общественная необходимость выработки общих принципов и конкретной методики юрислингвистической экспертизы, способной эффективно совмещать лингвистическую и правовую оценку конфликтных языкоречевых ситуаций, вовлекаемых в сферу юрисдикции» (Голев, 2002: 16).

1.3. Стратегии и тактики ухода от правовой ответственности

Как известно, любая коммуникация – целенаправленное взаимодействие участников конкретной коммуникации с конкретной целью. Со стороны адресанта – донести свою мысль и быть понятым, со стороны адресата – понять, что и зачем говорит адресант. Для достижения задач коммуникации коммуникантами используются определенные стратегии и тактики, имеющие, прежде всего, личные мотивы участников, ориентированные на определенный результат. Для примера приведем несколько высказываний:

1. Не мог бы ты подготовить отчет к четвергу?
2. Чтобы в четверг отчет был у меня на столе!

3. Ты хороший работник. Я уверен, ты сможешь сделать отчет к четвергу.

Цель высказываний одна – получить отчет к четвергу. Но тактики реализации этой цели разные: в первом случае адресант, скорее всего, ниже адресата по социальному статусу, потому он прибегает к вопросу-просьбе; во втором случае адресант, вероятнее всего, находится выше адресата по социальной лестнице, потому может позволить себе формулу приказа; в третьем случае участники могут быть равны по положению, либо адресант выше, но он избирает тактику похвалы и мотивации адресата.

«В самом общем смысле речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. Иными словами, речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» (Иссерс, 2008: 54). Каждое речевое действие этого комплекса можно назвать тактикой.

Теория коммуникативных стратегий и тактик берет свое начало с 80-х годов прошлого столетия: этим вопросом занимались С. А. Сухих (1986), Х. Я. Ыйм (1986), З. В. Демьянкова (1982), Т. А. ван Дейк, В. Кинч (1988), с 2000-х годов в развитие этой области прагматики внесли свой вклад О. С. Иссерс (1999), Н. А. Ощепкова (2004), Н. Н. Черкасская (2009) и др.

Ситуация речевого общения, в которой применяются различные стратегии и тактики, имеет большое количество вариантов развития, но алгоритмов и правил этого развития не существует. Нельзя гарантировать успешность коммуникации, можно только прогнозировать итог взаимодействия, используя различные манёвры, помогающие реализовать интенцию говорящего. «Любые стратегии могут быть описаны в виде продукций. Если выявлены условия, определяющие тот или иной стратегический результат, то можно прогнозировать, что определенные

речевые действия должны с достаточной долей вероятности гарантировать успех» (Иссерс, 1999: 55).

Описать все коммуникативные ситуации, все стратегии, применимые к каждой из них, невозможно в силу их многообразия. В настоящем исследовании основное внимание уделяется стратегии дискредитации, достаточно подробно описанной О. С. Иссерс в монографии «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи» (1999).

Дискредитировать, -рую, -руешь; *св. и нсв.* [от франц. *discrediter*]. *кого-что*. Подорвать — подрывать доверие в кому-, чему-л.; умалить — умалить чей-л. авторитет, значение (БТС, 2000: 261). Именно речевые действия, направленные на подрыв доверия к какому-либо лицу, на умаление его положительных качеств, представляют интерес для исследования. Реализовать эту стратегию можно через тактики ‘оскорбление’, ‘унижение’, ‘насмешка’, ‘издевка’, ‘нанесение обиды’, ‘обвинение’, ‘оговор’. Все они могут являться объектом запретительных норм: в УК РФ – ст. 128.1 «Клевета»; в ГК РФ – ст. 152 «Защита чести, достоинства, деловой репутации»; в КоАП РФ ст. 6.51 «Оскорбление». Общая характеристика экспертных задач по этим статьям была рассмотрена в предыдущем параграфе.

Правомерность реализации стратегии дискредитации зачастую определяется в суде, что напрямую свидетельствует о том, что ее можно квалифицировать как речевое преступление. Пытаясь избежать правовой ответственности, адресант прибегает к стратегиям и тактикам, позволяющим уйти от этой ответственности.

Под тактикой ухода от правовой ответственности понимаются «манипулятивные приемы, позволяющие распространить негативную, порочащую информацию, максимально ослабив по формальным показателям основания для судебного разбирательства» (Иваненко, 2013: 136).

Можно сделать промежуточный вывод о том, что субъект одновременно использует две стратегии: дискредитации и ухода от

ответственности, а для реализации каждой стратегии используется набор определенных тактик.

Стратегия ухода от правовой ответственности и набор тактик, сопровождающих ее, была разработана М. А. Осадчим в работе «Русский язык на грани права» (2013). Ученый вводит термин легевфемизм – «эвфемизм, используемый с целью ухода от правового риска» (Осадчий, 2013: 182). Набор тактик ухода от правовой ответственности является закрытым и универсальным. «Специфика реализации частных стратегий ухода от рисков, связанных с совершением конкретных правонарушений, на тактическом уровне может заключаться лишь в актуализации одних тактик и деактуализации других. При этом сам набор тактик и принципы их работы остаются стабильными» (Осадчий, 2013: 184). Это обусловлено тем, что такие преступления всегда совершаются вербально.

Классификация, на которой будет строиться настоящее исследование, состоит из пяти тактик:

1. Тактика манифестации субъективности

Главная цель – замена утверждения о фактах мнением, предположением. Адресант использует в своих высказываниях маркеры субъективности, в частности, вводные слова со значением:

- Уверенность, достоверность: *конечно, разумеется, бесспорно, несомненно, без сомнения, безусловно, действительно, в самом деле, правда, само собой, само собой разумеется, подлинно* и др. Примером может послужить высказывание: «**Конечно**, бандиты запугивали оружием, угрожали морякам физической расправой» (Труд-7, 2005.12.22).
- Неуверенность, предположение, неопределённость, допущение: *наверное, кажется, как кажется, вероятно, по всей вероятности, право, чай, очевидно, возможно, пожалуй, видно, по-видимому, как видно, верно, может быть, должно быть, думается, думаю, полагаю,*

надо полагать, надеюсь, некоторым образом, в каком-то смысле, положим, предположим, допустим, если хотите, так или иначе и др.

Например: *«Увы, но мне кажется, что Коломойский будет сражаться до последнего патрона и не изменит свою рисковую линию поведения»* (Известия, 2014.06.01).

- Сожаление, неодобрение: *к несчастью, по несчастью, к сожалению, к стыду кого-либо, к прискорбию, к досаде, на беду, как на беду, как нарочно, грешным делом, что ещё хуже, что обидно, увы и др.*

Например: *«По мнению общественников, в этом нет ничего удивительного — значительная часть СМИ, поддерживающих евромайдан (а таких абсолютное большинство), занята не столько объективным освещением событий в стране, сколько искажением фактов и, что еще хуже, разжиганием ненависти по отношению к России и русскоязычному населению Украины* (Известия, 2014.03.11).

Отметим, что в последнем отрывке присутствуют и другие тактики ухода от правовой ответственности, но о них будет сказано ниже.

Также эта тактика (манифестация субъективности) может быть представлена глагольными формами в сослагательном наклонении, т.е. действию может быть приписана ирреальность: *Тут явно просматривается коррупция на самом верхнем этаже власти. Поэтому я думаю, что если бы у них не было поддержки на самом верху, господин Сердюков давно бы сидел в тюрьме, — уверен Доровин* (Известия, 2013.10.01).

2. Тактика затемнения референта

«На уровне интенции тактика характеризуется намерением говорящего заменить прямые номинации косвенными» (Осадчий, 2013: 185).

Для этой тактики используются такие риторические приемы, как намек, метафора, квазизамещение, умолчание. Формирование косвенных наименований в этом случае выступает как манипулятивный прием. Косвенная номинация всегда мотивирована прямой, внутренняя форма выступает посредником между новым смыслом и действительностью только

в том случае, если она осознается живой не только адресантом, но и адресатом сообщения, т.е. истинный смысл может быть декодирован. Важно соблюсти тот баланс, который позволит адресату правильно понять интенцию автора и при этом избежать правовой ответственности. Например: *Работал я тогда во Всероссийском театральном обществе. Однажды в отделе раздается звонок. Снимает трубку **всем известный "стукач"** и бледнеет: "Вам звонят из Америки и спрашивают, когда вы будете дома"* (Труд-7, 2001.04.05). Выделенный элемент отсылает к какому-то лицу, которое известно и автору, и собеседнику, успех коммуникации зависит от того, сможет ли адресат расшифровать это лицо.

3. Тактика разорванной предикации

«На уровне интенции тактика характеризуется намерением говорящего нивелировать прямую грамматическую связь между конфликтным признаком и носителем данного конфликтного признака» (Осадчий, 2013: 187). Признак и носитель этого признака находятся в разных предложениях. Очень похожую тактику описала Г. С. Иваненко, которая назвала этот прием «ассоциативным параллелизмом». «Основой для использования приема ассоциативного параллелизма является принцип концептуальной целостности материала: некий публицистический текст посвящен конкретной проблеме или лицу; все, что в рамках этого материала будет сказано или показано, автоматически будет привязано реципиентом к основной линии повествования и так или иначе связано с главным персонажем» (Иваненко, 2013: 137). Например: *Сегодня многие строительные компании **не могут выполнять свои обязательства перед кредиторами. Компания «СтройИнвест»** давно должна стать объектом пристального внимания* (Осадчий, 2013: 187). Два выделенных элемента составляют единое смысловое ядро, но они находятся в разных предложениях.

Описанная тактика вызывает недоумение, поскольку противоречит такому понятию, как *когезия* текста. Выше было выяснено, что основным объектом исследования эксперта является текст, не фраза, взятая из

контекста, а текст. И. Р. Гальперин утверждает, что все части, на которые дробится текст, сохраняют единство, обеспечивают последовательность событий, действий.

«Между описываемыми событиями должна быть какая-то преемственность, какая-то связь, хотя это как известно, не всегда выражается выработанной системой языковых средств — союзами, союзными предложениями, причастными оборотами и пр.» (Гальперин, 2007: 73). Этот особый вид связи принято называть *когезией*. Конечно, восстанавливая связь, нужно понимать, что ассоциативный компонент когезии может быть любым, однако необязательно он должен показать, что эти предложения противопоставлены по содержанию.

Пример про компанию «СтройИнвест» был приведен намеренно, чтобы показать недостаточность приведенного контекста и уязвимость самой тактики разорванной предикации. Если бы дальше в тексте содержалась информация о том, что компания «СтройИнвест» не входит в перечень этих компаний, что она добросовестно выполняет свою работу, то не возникло бы иска, инициированного этой компанией. Можно сделать вывод, что истец усматривает в этом тексте признаки речевого правонарушения, в суде подобные случаи рассматриваются как неоднозначные, что, скорее всего, приведет к назначению судебно–лингвистической экспертизы.

4. Тактика деавторизации

Автор высказывания снимает с себя ответственность, ссылаясь на источник информации, которые проверить невозможно. Отсутствие верификации исключает возможность признания речевого действия как правонарушение.

Для пояснения специфики этой тактики следует обратиться к демагогическим приёмам: апелляции к очевидности (*argumentum ad populum*), ложной авторитетности (*argumentum ad verecundiam*). Автор вводит в высказывания выражения типа «каждому известно, что...», «очевидно...», «наука давно доказала...», «поговаривают, что...», «никто не

будет спорить, что...» и так далее. Например: «Райс **напомнила всем известный факт:** Вашингтон рассматривает сепаратистскую Рабочую партию Курдистана в качестве террористической организации» (Новый регион 2, 2007.11.02).

5. Тактика автореабилитации

Тактика характеризуется желанием адресанта заранее обезопасить себя от будущих претензий. «На уровне реализации тактика предполагает введение в текст оправдательного высказывания, как правило, находящегося в постпозиции относительно конфликтного высказывания» (Осадчий, 2013: 188). Например: *Все хотят земли себе отхватить побольше – и тогда уже строить! – Новые стадионы – это прекрасно! Но у многих читателей на портале sovsport.ru назрел вопрос, – возвращает собравшихся к повестке дня Миргиясов. – **Никого не хочу обидеть**, но задам его так, как он звучит в Интернете: как убрать со стадионов «дебилов»? Что сделать, чтобы искоренить бесчинства фанатов?* (Советский спорт, 2011.12.28)

Таким образом, следует заключить: в рамках стратегии ухода от ответственности, которая представляет собой манипулятивные приемы, позволяющие ослабить формальные показатели оснований для судебного разбирательства, существует закрытый перечень тактик, позволяющих эту стратегию реализовать. Этот комплекс приёмов состоит из пяти единиц, среди которых основной интерес для нас представляют тактики манифестации субъективности, затемнения референта, автореабилитации, потому что при их тщательном изучении в рамках теории речевых актов обнаруживаются спорные моменты, решение которых, возможно, повлечет за собой изменение ряда правовых положений о видах и критериях квалификации речевых преступлений.

1.4. Выводы

Тактики ухода от правовой ответственности обнажают известную уязвимость законодательной системы в области квалификации речевых преступлений и их видов.

Статья 2 Конституции РФ гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»¹. Однако отработанные и часто обоснованные (лингвистами!) тактики ухода от правовой ответственности в известной степени нивелируют, а порой полностью сводят на нет все усилия государства по защите человека от речевых преступлений. Краеугольным камнем в споре о дозволенности / недозволенности самых разных речевых проявлений «человека говорящего» становится статья 29 (п.1) Конституции РФ: «Каждому гарантируется свобода мысли и слова»². Зачастую возникает ситуация, при которой гражданин под видом мнения, используя маркеры субъективной модальности, вуалирует сведения порочащего характера. Подобные манипуляции полностью снимают ответственность с говорящего; призвать к ответу за такое речевое деяние не представляется возможным, поскольку суд не усматривает состава преступления.

Проблема и в том, что теория юрислингвистики еще не достигла того уровня, чтобы полностью обобщить полученные в ходе практической деятельности результаты. «Лингвистическая теория, как правило, построенная на реалистических основаниях и субъективной теории истины, почти всегда оказывается неприменимой к описанию реального положения дел, что отнюдь не свидетельствует в ее (теории) пользу» (Бринев, 2009: 32). Обнаруживается острая необходимость в выработке общих стандартов

---

¹ Конституция Российской Федерации URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>

² Конституция Российской Федерации URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm>

типологии, структуры, методов и других аспектов лингвистической экспертизы.

Очевидно, что возникла необходимость системно и детально – с учетом как правовых, так и собственно лингвистических аспектов проблемы – решать вопрос квалификации речевого поведения говорящего. Каждая конкретная речевая ситуация, с одной стороны, есть отдельное проявление вербальной коммуникации, с другой – она является фактом типологического порядка, и в этом качестве должна быть рассмотрена в рамках типологической парадигмы добротного описанных видов речевых правонарушений.

Большую роль в этом случае играет фактор правовой компетенции адресанта. Перед экспертом возникает проблема квалификации речевого поведения говорящего, необходимо понять, кодирует ли адресант информацию в высказывании или нет. Интенция говорящего диктует его поведение, лингвист-эксперт должен суметь описать каждый вариант поведения относительно каждой речевой ситуации.

Прагматические установки коммуникантов достаточно хорошо описаны в теории речевых актов (ТРА), которая все больше привлекает внимание лингвоэкспертов как универсальный инструмент в решении ряда острых вопросов экспертных исследований, в том числе – по части квалификации интенций говорящего.

Настоящая работа – попытка использовать наработки ТРА в деле определения тактик ухода от правовой ответственности в области речевых правонарушений.

Глава II. Теория речевых актов как способ изучения правовой коммуникации

2.1. Основы теории речевых актов

Теория речевых актов (ТРА) имеет множество трактовок, вероятно потому, что сам речевой акт (РА) — это относительно новый аспект исследования фактов речевой деятельности. Создаются новые научные концепции, классификации и направления. Однако нельзя не вспомнить ставшую хрестоматийной в этой проблематике работу Дж. Л. Остина, который в 1955 году читал курс лекций в Гарвардском университете, опубликованные посмертно в 1962 году в виде книги «How to Do Things with Words».

Ученый опровергает мнение философов и грамматистов о том, что «утверждение» может только «описывать» некоторое положение вещей или «утверждать» некий факт, который всегда должен быть либо истинным, либо ложным³. Такие высказывания он назвал констативными. Автор противопоставляет их перформативным высказываниям, которые используются для совершения различных действий (приветствия, приказа, угрозы, предупреждения и др.); они являются частью поступков и действий (например, «*Совещание переносится*», «*Завещаю это кольцо дочери*»). «Эти примеры ясно показывают, что высказывание предложения (конечно, в соответствующих обстоятельствах) не является описанием того, как было бы квалифицировано мое действие в результате произнесения высказывания, или утверждением, что я совершаю данный акт: произнесение высказывания и есть осуществление действия» (Остин, 1986: 26—27).

Такие высказывания не являются ни истинными, ни ложными. Но потом, глубоко исследуя перформативы, условия их удачности, Дж. Л. Остин

---

³ Некоторые аспекты ТРА, представленные в параграфе 2.1., уже рассматривались нами в одной из работ: Иванова А. А. Брачное объявление в аспекте теории речевых актов. СПб., 2016. — 56 с. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/3355/1/st011455.pdf>

пришел к выводу, что «быть может, между утверждениями и перформативными высказываниями не существует непроходимой границы» (Остин, 1968: 56). Дж. Л. Остин начал склоняться к мысли, что деятельностной природой обладают по существу не только перформативы, но и все высказывания. Пытаясь создать классификацию этих высказываний, ученый перешел с перформативности на иллокутивность. Изменения во взглядах Остина состояли в том, что теперь интенциональность являлась основным принципом высказывания, а не принцип осуществления действия.

Так, он выделил:

- локутивный акт, обладающий *значением*. Он представляет собой сумму других актов:
  1. фонетический акт (реализация звуковой структуры высказывания);
  2. фатический акт (реализация лексико—грамматической структуры высказывания);
  3. ретический акт (реализация семантической структуры высказывания);
- иллокутивный акт, обладающий определенной *силой*, которая проявляется в ходе говорения;
- перлокутивный акт, являющийся *достижением* некоторых *результатов* с помощью говорения.

«Для перлокутивного акта мы установили приблизительные границы между достижением цели и получением практического следствия. Иллокутивные акты конвенциональны; перлокутивные акты *не-конвенциональны*» (Остин, 1968: 100). И здесь возникает проблема: мы помним, что иллокутивный акт целенаправлен, то есть имеет субъективный момент, но одновременно он является конвенциональным, то есть имеет объективный момент, обеспечивающий способы распознавания этой цели слушающим, которые не зависят от говорящего. Данное противоречие

следует понимать как антиномию интенционального и конвенционального в речевом акте.

Воспользовавшись описанием речевого акта *оскорбление* К. И. Бриневым (2009), разберем следующую речевую ситуацию: «Ты *быдло*, — заявили они. — А мы — люди» (Известия, 2013.09.03). Модель любого РА *оскорбление* выглядит так:

- А) Знаю, что X способно причинить тебе психологический ущерб;
- Б) Хочу, чтобы ты знал, что я говорю X;
- В) Говорю X, чтобы причинить тебе психологический ущерб.

Вместо X подставляем лексему *быдло* и получаем конкретную реализацию РА в конкретной ситуации. Конвенциональный аспект (я знаю и ты знаешь, что слово *быдло* может причинить психологический ущерб) обеспечивает декодировку высказывания слушающим, а интенциональный аспект (я специально говорю слово *быдло*, потому что хочу нанести тебе психологический ущерб) обеспечивает общую успешность РА.

Поскольку интенциональность — главный аспект характеристики того или иного РА, то любая классификация РА — классификация типов иллокутивных функций.

Дж. Л. Остин пытался создать таксономию РА, но предупредил, что она не является единственно возможной, поскольку оказывается очень уязвимой, т. к. не существует четких критериев для того, чтобы отделить один вид иллокутивной силы от другого. Ученый, выделив в словаре формы первого лица единственного числа настоящего времени действительного залога изъявительного наклонения, получил список, насчитывающий порядка 10^3 глаголов. Затем он разделил все эти глаголы на пять групп:

1. Вердиктивы;
2. Экзерситивы;
3. Комиссивы;
4. Бехабитивы;
5. Экспозитивы.

Нет необходимости (в границах данной работы) описывать каждую группу, поскольку для нас главной классификацией будет являться таксономия Дж. Сёрля, о которой будет сказано ниже. Но заслуга ученого в том, что он один из первых, кто попытался создать общую теорию, некий организующий принцип, проливающий свет на действенную (прагматическую в полном смысле) природу речевой коммуникации.

Дж. Сёрль развил ТРА, предложенную его учителем Дж. Л. Остином. Дж. Сёрль отказывается от понятия локуции. Вместо локутивного акта он говорит об актах референции и предикации, а вместо локутивного значения использует понятие суждения (пропозиции), или пропозиционального содержания высказывания.

Он был более строг и последователен в своих рассуждениях, сделав главным объектом своего исследования иллокутивный акт. «Производство конкретного предложения в определенных условиях есть иллокутивный акт, а иллокутивный акт есть минимальная единица языкового общения» (Сёрль, 1968: 152). Согласно Дж. Сёрлю, намерение, подлежащее распознаванию, или коммуникативное намерение, составляет самый существенный момент в определении иллокуции, Стросон называет это «открытой интенцией» (Стросон, 1986: 137). Выявлению коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании, уделили внимание Дж. Ф. Аллен и Р. Перро (1986).

По его мнению, имеется около двенадцати лингвистически существенных параметров для установления типов иллокутивных актов. Но среди них наиболее важны три (на их основе и была построена классификация): 1) иллокутивная цель, 2) направление приспособления, 3) выраженное психологическое состояние (условие искренности).

Иллокутивная цель — наиважнейший компонент иллокутивной силы, представляет собой цель, смысл определенного типа иллокуции. Например, смысл клятвы и обещания в том, чтобы взять на себя обязательство

совершить что-то. Иллокутивная цель у них одна, но иллокутивные силы у них явно разные.

В аспекте теории юрислингвистики теория речевых актов выполняет важнейшую функцию: разграничение РА *утверждения, мнения*. Эти речевые акты имеют одну иллокутивную цель – сообщение о событии / факте, но разную иллокутивную силу. Важность различения этих понятий заключается в последующей квалификации речевого деяния как правонарушения.

Речевой акт *утверждение* обладает «двумя признаками:

1) содержит информацию о некотором действительно имеющем место событии / факте – это то, что объединяет акт утверждения и акт обычного сообщения;

2) говорящий **утверждает истинность** данного события или факта с целью убедить в этом адресата – это то, что делает акт утверждения более «сильным» по своему воздейственному эффекту, чем простое сообщение» (Радбиль, Юматов, 2013: 288). Говорящий располагает какой-то информацией и уверен в ее истинности, таким образом, к любому утверждению можно добавить «я знаю, я утверждаю, я уверен, я не сомневаюсь» и др. Например: *Тебе что, денег не хватало?! Я приезжал сюда на открытие чего-то и спросил тебя, хватает ли тебе зарплаты... Ты сказал, что хватает. Зачем тогда ты воровал у государства?! Ты украл деньги, предназначенные для зарплаты этим людям!* (Итоговый выпуск (вечерний) – 19.09.05 18:05 – Челябинск // Новый регион 2, 2005.09.20, НКРЯ) Говорящий утверждает, что лицо, о котором он говорит, присваивал деньги нечестным путем. К его словам можно добавить маркеры утверждения: «Я знаю, что ты воровал», «Я уверен, что ты крал». Адресант обладает неким **знанием**, которое можно проверить на соответствие или несоответствие реальной действительности. Если следствием, судом будет доказано, что эта информация не соответствует действительности, то такое высказывание можно расценивать как умышленное распространение ложной информации (клевета).

Речевой акт *мнение* похож на *утверждение*, но второй пункт характеристики (описанной выше) следует изменить следующим образом: говорящий **предполагает** истинность данного события или факта. Маркерами мнения могут быть вводные слова и конструкции типа: «*Я считаю, думаю, мне кажется*» и др. «Мнение, в отличие от утверждения о фактах, не может соответствовать или не соответствовать действительности, так как отражает не реальную действительность, а ее восприятие человеком, не мир, но его личную картину мира, однако оно может подтверждаться или не подтверждаться фактами, событиями объективной действительности. Мнение может опираться на факты, этим оно отличается от **домысла**, и содержать оценку фактов и их комментарии, в этом его отличие от **знания**» (ГЛЭДИС, 2012: 14). Например, если изменить высказывание-утверждение «*Ты украл деньги, предназначенные для зарплаты этим людям!*» на высказывание-мнение «*По-моему, ты украл деньги, предназначенные для зарплаты этим людям!*», то иллокутивная сила высказывания существенно изменится, однако иллокутивная цель (донести информацию, что лицо присвоило деньги) будет достигнута.

Проверять высказывание на соответствие / несоответствие действительности нельзя, поскольку в нем отражена только личная картина мира говорящего, что соответствует 29 статье (п.1.) Конституции РФ, о которой говорилось выше, но его можно охарактеризовать как обоснованное или необоснованное, как доказанное или бездоказательное. Отметим, что в зону компетенции лингвиста-эксперта не входит верификация информации, ему необходимо определить форму выражения информации (мнение, утверждение), и указать, подлежит ли она верификации.

Изучение направлений приспособления слова к реальному миру (и наоборот) представляет собой интереснейший момент, который Дж. Сёрль неизменно учитывал при формулировке своей классификации речевых актов. Ученый считал, что есть такие иллокуции, будучи частью иллокутивной цели, которые стремятся сделать так, чтобы слова соответствовали миру. А

другие иллокуции стремятся к тому, чтобы мир соответствовал словам. Например, когда человек что-то описывает, утверждает, объясняет, он использует направление приспособления слов к миру. Если же человек что-то обещает, требует, приказывает, то он «руководствуется» направлением приспособления мира к словам. Направление приспособления всегда является следствием иллокутивной цели. В своей таксономии Дж. Сёрль предложил обозначать направленность приспособления «слова — мир» стрелкой вниз (↓), а направленность приспособления «мир — слова» — с помощью стрелки, направленной вверх (↑).

«Производя любой иллокутивный акт с некоторым пропозициональным содержанием, говорящий выражает некоторое свое отношение, состояние и т. п., касающееся этого пропозиционального содержания» (Сёрль, 1968: 174). Таким образом, при констатации, утверждении, объяснении, заявлении, что *p*, человек выражает **убеждение**, что *p*. Сюда же можно отнести и постулирование, декларации, логическую дедукцию и аргументацию.

Если человек обещает, клянется, угрожает или ручается, что сделает *a*, то он выражает **намерение** сделать *a*. Например, РА *угроза* представляет собой следующую модель:

А) Думаю, что ты не хочешь, чтобы я сделал тебе нечто плохое;

Б) Думаю, что ты знаешь (или можешь думать), что я могу сделать тебе нечто плохое;

В) Хочу, чтобы ты знал (думал), если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое;

Г) Говорю: если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое (Бринев, 2009: 144).

Рассмотрим пример: *В то же самое время Аня одну за другой получала SMS-сообщения: «Я собираюсь тебя украсть и отвезти на дачу. Как ты на это смотришь?»; «Если ты не перезвонишь, то я тебя убью в течение недели, хотя мне будет очень жалко, потому что я тебя очень сильно*

люблю! Я хочу от тебя ребенка—девочку!» (Комсомольская правда, 2006.12.01). Высказывание представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточными условия, уступки, причины, но к РА *угроза* относится только выделенная часть предложения. Придаточное условия *если ты не позвонишь* соответствует первой части пункта Г описанной модели, главная часть *то я тебя убью в течение недели* соответствует второй части пункта Г. Адресант сообщения имеет **намерение** убить адресата сообщения, если тот ему не перезвонит.

Если же человек приказывает, командует, просит, чтобы слушающий *H* сделал *A*, то он выражает **желание** (пожелание, потребность), чтобы *H* сделал *A*. Желание или потребность охватывает просьбы, приказы, команды, мольбы, ходатайства, прошения и упрашивания.

Принося извинение за совершение *Д*, говорящий выражает сожаление, **что он совершил Д**. Сюда можно отнести (как частный случай) **удовольствие** (поздравления, пожелания удачи, приветствия).

Выражаемые психологические состояния автор, при создании классификации, стал обозначать заглавной буквой, которая соответствует названию соответствующего глагола (в английском языке): **I** для намерения, **B** для убеждения, **W** для желания.

На основе этих трех важнейших аспектов Дж. Сёрль создает свою классификацию иллокутивных актов, которая будет использоваться в этой работе. Словно математик, он выводит формулы, состоящие из тех символов, которые были обозначены выше. Эти формулы обозначают тот или иной тип иллокутивных актов. Для настоящего исследования классификация Дж Сёрля представляет интерес в том аспекте, что каждый речевой акт впоследствии можно будет расчленить на все те составляющие, которые будут описаны ниже. Возможность детального рассмотрения каждого речевого акта позволяет сформировать представление о его успешности, что даст возможность разграничить искренние и неискренние РА (см. параграф 2.2). Было выделено 5 основных типов:

1. Репрезентативы

«Смысл, или цель, членов класса репрезентативов — в том, чтобы зафиксировать (в различной степени) ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения» (Сёрль, 1968: 181).

Используя знак Фреге для утверждения, чтобы показать иллокутивную цель, общую для всех этих элементов, выводит формулу: $\vdash \downarrow B(p)$, то есть, направление высказывания — «слова — мир», психологическое состояние — убеждение (что p).

2. Директивы

«Иллокутивная направленность их состоит в том, что они представляют собой попытки со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил» (Сёрль, 1968: 182).

Формула: $! \uparrow W(N \text{ делает } A)$, где восклицательный знак обозначает иллокутивную цель данного класса, направление высказывания — «мир — слова», психологическое состояние — желание (потребность), пропозициональное содержание заключается в том, что слушающий совершит какое-то действие A .

3. Комиссивы

Цель этих иллокутивных актов состоит в том, чтобы возложить обязательство на говорящего совершить то или иное действие или следовать определенной линии поведения.

Формула: $C \uparrow I(S \text{ совершает } A)$, где C обозначает иллокутивную цель комиссива, направление приспособления — «мир — слова», психологическое состояние — намерение, пропозициональное содержание — говорящий S выполнит некоторое действие A .

4. Экспрессивы

«Иллокутивная цель этого класса — в том, чтобы выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно

положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания» (Сёрль, 1968: 183).

Формула: $E \emptyset (P) (G/C + \text{свойство})$, где E — иллокутивная цель, общая для всех экспрессивов, $\emptyset$ — нулевой символ, указывающий на отсутствие направления приспособления, (P) — переменная, указывающая на различные психологические состояния, свойство — приписываемое говорящему или слушающему пропозициональным содержанием. Важным является то, что этот класс не имеет направление приспособления.

5. Декларативы

Иллокутивная цель этого класса заключается в том, что говорящий вносит изменение в статус или условие указываемого объекта, но говорящий должен быть полномочным лицом, и декларирование должно быть осуществлено успешно.

Формула: $D \uparrow \emptyset (p)$, где D — обозначение декларационной иллокутивной цели, направление приспособления — одновременно и «слова — мир», и «мир — слова» (в силу необычного характера деклараций), условие искренности отсутствует, поэтому в позиции условия искренности стоит символ нуля, p — обычный символ пропозициональной переменной.

Помимо классификаций Дж. Л. Остина, Дж. Сёрля, существуют таксономии Д. Вундерлиха (1976), Г. Г. Почепцова (1981), В. В. Богданова (1976) и др.

Не обошли вниманием лингвистическую прагматику и А. Вежбицка (1985), З. Вендлер (1985), А. Дэйвисон (1986), Д. Франк (1986) и мн. др.

В нашей стране активно работали и работают в области ТРА и прагматики Н. Д. Арутюнова (1985), В. В. Богданов (1984, 1976, 1996), В. З. Демьянков (1986), В. А. Звегинцев (1996), И. М. Кобозева (1986), Е. В. Падучева (1981, 1985), И. П. Сусов (2006) и многие другие.

Подытоживая сказанное, мы получаем общую характеристику ТРА: это учение о строении элементарной единицы речевого общения — речевого акта, понимаемого как актуализация предложения.

ТРА предлагает свою оригинальную модель коммуникативной ситуации. Наряду с такими компонентами, как говорящий, слушающий, высказывание, условия общения в речевой ситуации, без которых не обходится ни одна модель общения, модель речевого акта в ТРА включает в себя также цель и результат речевого акта.

Таким образом, ТРА может использоваться как научный метод (способ изучения), эффективный при анализе речевой ситуации, речевого поведения коммуникантов, определения формы высказывания (утверждение, мнение, угроза, призыв и т.д.), который поможет выявить используемые тактики, реализующие разные типы манипулятивной коммуникации, в том числе тактики ухода от правовой ответственности.

2.2. Условия успешности и эффективности речевых актов

Приступая к коммуникации, совершая иллокутивный акт, говорящий имеет намерение получить какой-то результат, но это возможно, если слушающий опознает это намерение. Большую роль в этом смысле играет фактор конвенциональности: говорящий знает, что употребление им определенных высказываний связывают с получением определенного результата. Но одного знания оказывается недостаточно: для совершения РА, существует ряд условий, которые диктуют успешность / неуспешность реализации речевого акта утверждения, обещания, угрозы, клеветы, оскорбления и т.д.

Дж. Сёрль выделил четыре основные группы условий успешности любого речевого акта:

1. Условия пропозиционального содержания

Это условия, требующие наличия у суждения определенных свойств, диктующих выбор языковых средств, способных реализовать РА. Например, речевой акт угрозы не может включать глагол в прошедшем времени (*я тебя*

убил). Пропозициональное содержание помогает адекватно преподнести локутивный уровень РА;

2. Подготовительные условия

«Это условия, которые отражают объективные (ситуационные) и субъективные (психологические) предпосылки, совместимые с выдвижением данной иллокутивной цели, т.е. обстоятельства речевого акта, при отсутствии которых он потерпит коммуникативную неудачу» (Радбиля, 2014: 147). Например, будет неуместно сказать человеку, который пишет, фразу «*Давай пиши*», или попросить подойти человека, который уже стоит рядом;

3. Существенные условия

Эти условия представляют собой сам факт намерения, убежденности, желания совершить тот или иной речевой акт, определяет соответствующую иллокутивную силу, способную реализовать иллокутивную цель. Например, если адресант сообщения хочет что-то пообещать, то существенное условие РА обещания состоит в том, что говорящий намерен с помощью высказывания взять на себя ответственность / обязательство совершить определенный акт;

4. Условие искренности

Искренний РА характеризуется **намерением** осуществить этот РА и убежденностью говорящего в том, что он **может** совершить этот РА. Искренние РА отличаются от неискренних наличием условия намерения: если говорящий обещает совершить X, но не имеет намерения совершать X, то такой РА следует признать неискренним. Во всех неискренних РА присутствует скрытая перлокутивная цель – обман адресата.

Именно четвертое условие успешности РА представляет наибольший интерес для лингвиста-эксперта, работающего со стратегиями и тактиками ухода от правовой ответственности.

Существуют речевые акты, отличающиеся друг от друга по условию искренности. Основываясь на исследовании Т. Б. Радбиля и В. А. Юматова (2013), в настоящей работе будут рассматриваться РА **искренного**

заблуждения и недобросовестного информирования. В последнем типе РА говорящим сознательно нарушается условие искренности, что служит реализацией манипулятивных стратегий и некооперативной коммуникации.

При РА искреннего заблуждения адресант сообщения заблуждается в своем высказывании, он считает свою информацию достоверной, заслуживающей внимания адресата, он ссылается на авторитетные, по его мнению, источники, может доверять данным личного опыта, ссылаться на ложные аналогии.

Например, в суд с заявлением обратился гражданин А. Он обвинял гражданина Б в том, что тот в присутствии коллег высказал свое подозрение, что А проколол шины на его автомобиле и выбил стекла. Искренним заблуждением будет случай, если гражданин Б не знает, что гражданин А не прокалывал шины и не бил стекла, но имеет ошибочные основания считать обратное, например, слова соседей и других очевидцев, которые указывают на гражданина А. Недобросовестным информированием будет случай, когда гражданин Б точно знает, что гражданин А этого не делал, но утверждает обратное, преследуя цель оклеветать гражданина А. В высказывании гражданина Б присутствует скрытое (но истинное!) коммуникативное намерение (сообщить ложную информацию, оклеветать), но, маскируя его, говорящий декларирует иную цель (сообщить информацию), чтобы ввести в заблуждение адресата, коллег, суд, следствие и др. «Соккрытие истинной коммуникативной цели говорящим является главным признаком манипулятивной речевой стратегии» (Радбиль, 2014: 148).

Вопросами, связанными с категорией искренности / неискренности, ложности / истинности РА, занимались Дж. Лакофф (1985), Р. Столнейкер (1985), В. И. Свинцов (1982, 1990), Н. В. Глаголев (1987), О. О. Новосельцева (1997), М. Минский (1988) и другие.

Необходимо внести уточнение, что проверка истинности условий искренности включает ряд экстралингвистических факторов: знает ли говорящий, что сообщаемая им информация не соответствует

действительности, является ли подлинной целью адресанта предоставление адресату информации с целью ее объективной оценки последним, искренен ли говорящий в своем намерении сообщить аудитории некоторые факты и т.п. Все эти факторы находятся вне зоны компетенции лингвиста-эксперта, что не дает ему возможности описывать и анализировать многие критерии и условия успешности РА.

Однако в теории речевых актов выработаны принципы дифференциации искренних и неискренних речевых стратегий, основывающиеся на способах подачи информации, ее содержательных и речевых признаках, что, несомненно, находится в поле знаний и полномочий лингвиста-эксперта.

Прежде чем приступить к анализу собственно языковых признаков недобросовестного информирования, необходимо осветить важный момент относительно принципа отбора этих языковых признаков. Как уже было выяснено, манипулятивные речевые стратегии, призванные ослабить по формальным показателям основания для судебного разбирательства, обычно сводятся к тому, чтобы представить свое высказывание в виде мнения, оценки (вместо утверждения о фактах), но существуют и другие способы снятия с себя ответственности за речевые действия. Методы и приемы речевого манипулирования являются объектом пристального внимания, прежде всего, риторики. Юрислингвистика, исследующая взаимообусловленность двух социальных феноменов – языка и права, также уделяет значительное внимание изучению манипулятивных техник, причем по преимуществу – в связи с ситуациями нарушения закона (например, речевое мошенничество).

Как представляется, необходимо выяснить, являются ли функции манипулятивных приемов, изучаемых в теоретической и применяемых в практической риторике, тождественными тем, что изучаются и применяются в юрислингвистике.

С точки зрения риторики, основная цель речевого манипулирования – принудить адресата думать так, как желает адресант, причем все приемы речевого манипулирования адресанта нацелены на то, чтобы в конечном итоге адресат был искренне убежден в том, что это его собственные мысли.

С точки зрения юрислингвистики, т.е. тех проблем пересечения языка и права, которые она изучает, одна из целей речевого манипулирования адресанта заключается в том, чтобы скрыть свои истинные намерения, чтобы адресат оказался в заблуждении по поводу того, о чем реально думает адресат.

С помощью «речевых примитивов» цель речевого манипулирования в первом случае (классическая риторика) можно обозначить следующим образом: *я хочу, чтобы ты думал как я*. Во втором случае (при уходе от ответственности) – *я хочу, чтобы ты не догадался, о чем я думаю*.

Несомненно, функции не совпадают полностью, но каждая из них обнажает тот аспект, который актуален для адресанта. Любая манипуляция представляет собой воздействие на адресата: либо с целью внушения, либо с целью уклонения от ответственности.

Сравним два примера:

1. Я считаю, что в нашу партию вступают только самые честные люди. Первая моя и наша с вами задача — собрать партию и людей чести вместе.

Автор высказывания постулирует идею, согласно которой в уже существующей партии состоят только честные люди. Если человек вступает в эту партию, то он может назвать себя честным. Стратегия внушения, манипулирования сознанием адресата, который, несомненно, будет положительно настроен по отношению к этой партии, строится и за счет конструкции солидарности *я + ты*. *Вместе мы соберем партию из честных людей* – ассертивный компонент, содержащий заявление, а *я – честный человек, ты – честный человек* – компоненты пресуппозиции, те фоновые аспекты, которые подаются как не подлежащие сомнению.

2. *Я бы создал партию честности, в которую принимаются только честные люди. Я что-то мало таких встречаю в последнее время. Особенно среди политиков, руководителей большая часть—плуты. Никого не хочу обидеть. Кто плут, тот сам про это знает.* (Комсомольская правда, 2012.09.30)

Пресуппозиция первого предложения – в существующих партиях состоят нечестные люди, но ассертивный компонент заключается в том, что гипотетически адресант хотел бы создать партию, в которую будут приниматься честные люди. Далее говорящий использует тактику **авторееабилитации** (*никого не хочу обидеть*), страхующую его от возможных обвинений. Стоит отметить, что противоположное высказывание *я хочу всех обидеть* привело бы к иллокутивному самоубийству, т.е. обобщенный, размытый референт *среди политиков, руководителей* является маркером тактики **затемнение референта**. Вербализованная иллокутивная цель: *хочу создать партию с честными людьми; некоторые среди людей, имеющих власть, нечестные люди / плуты*. Скрытая иллокутивная цель: *я утверждаю, что люди у власти – плуты / нечестные люди*.

Таким образом, для настоящего исследования релевантными языковыми признаками недобросовестного информирования будут признаки, перекликающиеся с языковыми показателями стратегий и тактик ухода от правовой ответственности.

Т. Б. Радбиль выявил содержательные и речевые признаки недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста (2014), подробно изучив труд ученого в свете интересующей нас темы, объединив, исключив некоторые из них, было выявлено пять языковых признаков недобросовестного информирования, соотносимых со стратегиями и тактиками уклонения от правовой ответственности, (Радбиль, 2014: 148):

1) обилие языковых средств неопределенности (неопределенные местоимения и наречия «что-то, где-то», гипотетические частицы «типа, как бы, якобы», сослагательное наклонение глаголов и пр.);

2) использование речевой стратегии *de re* (вместо нормативной *de dicto*), когда говорящий оценивает излагаемые события не с точки зрения логики самих событий, а переформулирует их в связи со своими воззрениями;

3) средства уклонения от ответственности говорящего за высказывание (безличные конструкции типа «выяснилось» вместо «я выяснил», МЫ-изложение (МЫ вместо Я), пассивные конструкции с отсутствием творительного субъекта и пр.);

4) излишнее «педалирование» недостоверных источников информации (использование вводных слов и конструкций для ссылки на слухи, на непроверенные источники и пр.);

5) средства экспрессивного синтаксиса вместо нейтрального стиля изложения (парцелляция, риторические вопросы и восклицания, вопросно-ответная форма изложения, иронические кавычки, умолчания и пр.).

Анализ материала в рамках выделенных признаков будет проведен в III главе настоящей работы, поскольку необходимо комплексное исследование каждого случая.

Следует еще раз подчеркнуть, что главной проблемой, с которой сталкивается лингвист-эксперт в ходе проведения экспертизы, является проблема разграничения искреннего заблуждения и недобросовестного информирования. Но есть убежденность, что искренне заблуждающийся адресант не будет ссылаться на непроверенные источники, чтобы подтвердить свое мнение, не будет излишне экспрессивен в своих высказываниях. Он «не ставит «загородки»⁴, страхующие от возможных обвинений в недобросовестном изложении информации, не использует средства уклонения от ответственности за собственное высказывание и пр.»

---

⁴ Термин введен Дж. Лакоффом, лексические загородки создают смысловую размытость, нечеткость высказывания – типа *приблизительно, примерно* и др. Lakoff G. Hedges A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. 1972. 183 — 228.

(Радбиль, 2014: 148), потому что он искренне убежден в истинности своего высказывания.

2.3. Выводы

Проблема изучения взаимодействия коммуникантов настолько сложна, что до сих пор многие исследования носят лишь подготовительный характер, попытки выработать методы изучения, установить четкие правила прагматики предпринимаются учеными давно. Если существует полная грамматика языка, в которой описаны правила морфологии, синтаксиса, орфографии и т.д., то можно предположить, что создание и описание полных правил прагматики языка является осуществимой задачей, требующей, однако, много времени, но реальной и возможной.

Как удалось выяснить, теория речевых актов – один из инструментов создания общих правил прагматики. ТРА помогает выявить интенцию говорящего, обнаружить истинное намерение, цель. Адресант, стремясь достичь поставленных целей, использует ряд стратегий и тактик, реализующихся в процессе коммуникации. Обычно коммуникация подразумевает кооперацию, но все чаще в наше время этот закон осознанно нарушается сторонами общения. Речевая агрессия связана с такими стратегиями, как оскорбление, дискредитация, диффамация, дискриминация и др. Подобная коммуникация может квалифицироваться как речевое правонарушение, что рассматривается в поле юрислингвистики как науки, изучающей взаимодействие языка и права. Преследуя желание избежать ответа перед законом за свои речевые действия, адресант использует стратегии и тактики ухода от правовой ответственности.

Исследование каждого речевого продукта осложняется тем, что для создания объективной картины коммуникативной ситуации необходимо учитывать ряд экстралингвистических и паралингвистических факторов, которые делают высказывание уникальным для конкретной речевой

ситуации. Эти факторы не входят в зону компетенции лингвиста-эксперта. Но на современном этапе развития юрислингвистики представляется возможным описание отдельных стратегий коммуникантов с точки зрения языка, в частности, ТРА.

Наиболее актуальным видится направление изучения искренности / неискренности РА, которое поможет эксперту дифференцировать РА искреннего заблуждения, не предполагающего цели оскорбить или оклеветать собеседника, от РА недобросовестного информирования, которые могут обнаружиться в тактиках ухода от правовой ответственности (манифестации субъективности, затемнении референта, автореабилитации, деавторизации).

Глава III. Речевые признаки недобросовестной коммуникации как инструменты реализации тактик ухода от правовой ответственности

3.1. Языковые средства выражения семантики неопределенности как способ реализации тактик ухода от ответственности

Анализ процесса порождения неискреннего дискурса входит в сферу исследований субъективного фактора в языке. Как указывает Г. В. Колшанский, «любому речепроизводству должен быть приписан субъективный фактор, отражающий отношение субъекта к предмету своего высказывания» (Колшанский 1975: 9).

Степень субъективности варьируется в зависимости от потребностей и мотивов говорящего, а также в зависимости от типа РА (мнение, сообщение, призыв, оценка и т.д.). Неискренняя коммуникация отличается от искренней еще и тем, что для первого типа общения необходимо затрачивать больше времени на подбор языковых средств, особенно, если речь идет о спонтанном неискреннем взаимодействии.

Можно предположить, что неискренний адресант порождает языковые формы и конструкции особым образом, подобное речепорождение входит в круг лингвистических интересов.

«Прагматическая ситуация неискренности оформляется неискренней языковой личностью как особый дискурс, то есть как особая последовательность речевых актов, создающих единый перлокутивный эффект. Единая перлокуция личностного смысла неискренности направлена на то, чтобы вызвать искомые последствия, воздействовать на сознание или поведение адресата и создать такую новую ситуацию, которая бы соответствовала целям неискренного говорящего» (Плотникова, 2000: 115).

Адресант старается соблюдать внешние признаки кооперативного общения, он создает видимость достоверности своих сообщений, но тщательно скрывает умышленное выражение ложных пропозиций. Для

реализации своего скрытого намерения говорящий может использовать неопределенные конструкции.

Как правило, неопределенность в сообщении свидетельствует о том, что участникам речевой ситуации ничего не известно об объекте / ситуации речи (*кто-то стоит за дверью*), что говорящий не уверен в источнике сведений (*кто-то сказал, но я забыл*), либо о том, что адресант хочет внести интригу в свое сообщение при первичном упоминании об объекте речи (*это был великий режиссер, великое было кино*). Однако при анализе речевых ситуаций в рамках правового поля неопределенные слова и конструкции используются для того, чтобы исключить возможность квалификации речевого действия как правонарушения, поскольку прямой номинации лица / действия в сообщении нет.

Например, нами было выяснено, что тактика манифестации субъективности строится, в том числе, с помощью употребления глаголов в сослагательном наклонении. М. А. Осадчий причисляет употребление сослагательного наклонения глаголов к тактике ухода от правовой ответственности потому, что выражение будет носить субъективный и гипотетический характер, что исключает утвердительный посыл.

Рассмотрим пример: *Российские политики, рассуждая о диалоге с Порошенко, апеллируют к неким предполагаемым ими «стратегическим интересам» Украины — экономическим связям, будущему развитию, человеческому фактору и т.д. Все эти отсылки были бы уместны, если бы мы имели дело с нормальной страной, обычным государством, чья власть ставит стратегической задачей именно развитие экономики и человеческого потенциала своей страны. Украина ничего общего с такой нормальной страной не имеет. Однако будь Порошенко трижды нелегитимен, будь он стратегически враждебен к России, но если бы он проводил минимально вменяемую политику, если бы был готов на настоящий диалог с восставшим Донбассом, на минимальное уважение прав и свобод русских жителей, то смириться с его властью возможно*

было бы хотя бы на краткую перспективу. На деле риторика Порошенко, облеченного мнимой легитимностью, стала даже жестче риторики Турчинова и Яценюка. (Известия, 2014.06.09)

Выделенный фрагмент представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным условия, где главная часть: *то смириться с его властью возможно было бы на краткую перспективу*, а придаточная, отвечающая на вопрос *если что? при какой условии?:* *если бы он проводил минимально вменяемую политику, если бы был готов на настоящий диалог с восставшим Донбассом, на минимальное уважение прав и свобод русских жителей.*

Пресуппозиция высказывания: с его властью смириться невозможно; он ведет невменяемую политику, ведет ненастоящий диалог с Донбассом, не уважает права и свободы русских жителей. Такая пресуппозиция выводится из того, что при выражении гипотетической ситуации адресант имплицитно утверждает, что в реальности ситуация обратная, например: *если бы ты пришел раньше, мы бы успели (он опоздал, они не успели); если бы ему не помогали, он бы не справился (он справился, ему помогали); если бы она передала письмо, то он бы приехал (она не передала письмо, он не приехал).* Гипотетические ситуации носят вероятностный характер, т.е. описанная ситуация – один из вариантов разворачивания обстоятельств.

Необходимо обратить внимание на то, что вероятностным элементом, создающим неопределенность, является главная часть сложноподчиненного предложения (*мы бы успели, он бы не справился, он бы приехал*), потому что однозначно предположить исход ситуации невозможно: могут возникнуть другие факторы, которые помешают реализации события. Придаточная условная часть подразумевает прямо противоположный скрытый ассертив.

Возвращаясь к приведенному примеру, можно сказать, что говорящий умышленно прибегает к условной конструкции, т.к. в ней центральным элементом выступает главная часть: *с политикой Порошенко можно смириться.* Однако скрытый посыл, обнаруживающийся в придаточных

условия, раскрывает истинную интенцию адресанта: *проводимая политика невменяема, нет настоящего диалога с Донбассом, нет уважения к правам и свободам русских жителей.*

Таким образом, можно сделать вывод, что адресант неискренен в своих суждениях, поскольку «с семантической точки зрения неискренность представляет собой личностный смысл, состоящий в осознанном выражении ложных пропозиций взамен истинных» (Плотникова, 2000: 231).

3.2. Использование речевой стратегии de re вместо стратегии de dicto

Согласно И. Ю. Граневой, «под стратегией de dicto (буквально — «от сказанного») в общем виде понимается изложение событий, фактов или мнений на «языке фактов», т.е. в тех значениях и оценках, которые адекватны сути излагаемого (нейтральный модус изложения); под стратегией de re (буквально — «от вещи, от реалии») в общем виде понимается изложение событий, фактов или мнений, переформулированное в интересах говорящего, в соответствии с его исходными воззрениями и посылками. При стратегии de dicto говорящий использует номинации, которые счел бы адекватными и субъект передаваемого мнения; при стратегии de re говорящий все переименовывает в соответствии со своими представлениями о реальности» (Гранева, 2015: 371).

Стратегия деавторизации может быть расценена как стратегия de re, с помощью которой создается речевая демагогия — манипулятивный прием, реализующийся через указание на общеизвестность, ссылки на непроверяемые источники. Коммуникативная стратегия de re может осуществляться путем употребления местоимений *мы, наши*:

Но мы это все проходили, видели много раз. Пусть лучшие они расскажут людям, почему из-за них получают газ по завышенным тарифам, которые зимой платят за тепло, а его не получают. А все потому, что

теплокоммунэнерго в паре с этими облигами занимается отмывкой денег. Это все нам давно известно. Это – старые схемы. С этим нужно бороться», – резюмировал Сенченко. (Новый регион 2, 2009.05.13)

Трактовать это высказывание можно следующим образом: *мы давно знаем, что теплокоммунэнерго и обгаз отмывают деньги*. За местоимением *мы* скрывается *я + кто-то еще (ты, он, они)*. Адресант высказывает спорную идею, постулируя ее как бесспорную истину, при этом не является очевидным, что адресат сообщения или кто-то сторонний (неизвестный источник) безоговорочно разделяет позицию говорящего. Но можно утверждать, что говорящий относит себя к носителям знания, потому что *мы = я + кто-то*. Искренний субъект речи не стал бы использовать в своем высказывании подобные конструкции, поскольку доказывание того, что кому-то еще известно о том, что деньги отмываются, требует дополнительной аргументации. Использование подобных демагогических приемов подтверждают факт недобросовестного информирования при реализации стратегии дискредитации.

Представляется возможным рассматривать в аспекте речевой стратегии *de re* и уклонение от ответственности говорящего за высказывание с помощью безличных конструкций, поскольку они также указывают на неопределенное авторство или на нефиксированный источник. Формально употребление этих конструкций не дает возможности их верифицировать, но при анализе пресуппозиций, выступающих как коммуникативно–значимые элементы высказывания, выявляется неявная информация, знание говорящего об объекте речи.

Например, высказывание *Петя перестал воровать деньги у отца* имеет пресуппозицию о том, что существует Петя, его отец, Петя ворует деньги у отца. Если изменить это предложение, например: *Говорят, Петя перестал воровать деньги у отца; Петя перестал воровать деньги у отца? Петя не перестал воровать деньги у отца*, то изменится смысл (деавторизация, вопрос, отрицание), но содержание останется прежним.

«Таким образом, константность пресуппозиций наблюдается при отрицательных, интеррогативных и модальных преобразованиях предложения, и каждое из таких преобразований может рассматриваться как способ определения пресуппозиций в предложениях. Следовательно, константность пресуппозиций является одним из свойств, позволяющих выделить общее семантическое содержание в предложениях разных наклонений» (Наумова, 1998: 245). Как нам кажется, верификации должны подлежать пресуппозиции высказывания, поскольку они всегда носят утвердительный характер, выражают знание адресанта об объекте речи.

Рассмотрим пример:

*«Поведение Николя Саркози не соответствует его статусу. Он стал карикатурой, которую тиражируют на весь мир. Сперва призывает французов «затянуть потуже пояса» во имя реформ и повышения покупательной способности, а затем демонстративно отправляется в шикарный отпуск в Египет в сомнительной компании. **Всем известно, что Карла Бруни не отличается высокой моралью и бескорыстностью, ей совсем не место рядом с президентом Франции**», — отметила РБК daily национальный секретарь Левой радикальной партии Натали Куяте. (РБК Daily, 2007.12.28)* Натали Куяте придает своему высказыванию значение общеизвестности, однако подобные апелляции к «объективной истине» являются лингводемагогическим приемом речевой стратегии de re, поскольку адресант сообщения навязывает адресату под видом реальной действительности свою точку зрения. Реальная пропозиция высказывания состоит в следующем: *Карла Бруни аморальный и корыстный человек.* Говорящий не стремится установить и обнародовать истинное положение дел, но реализует свою интенцию – сообщить, что Карла Бруни ведет себя аморально и корыстно.

Необходимо проанализировать другой пример, чтобы понять, что демагогические приемы довольно легко отличать от утверждений объективной истины:

*Так, страны Евросоюза требуют, чтобы путешественник был застрахован минимум на 30 тысяч евро. **Всем известно**, что медицина за рубежом платная. И если вам вдруг понадобится профессиональная помощь эскулапов, полис и покроет эти расходы.* (Комсомольская правда, 2010.12.20)

Скрытой интенции в высказывании нет, адресант утверждает общеизвестный факт, подкрепляя его аргументами (страны Евросоюза требуют страховку, которая может пригодиться, если понадобится профессиональная помощь). За словами *всем известно* стоит не сомнительный источник информации, который невозможно проверить, а конкретные лица, которые были за границей или знают о том, что медицина за рубежом платная, но адресант не называет их, поскольку их количество слишком велико.

Два приведенных примера отчетливо показывают разницу между речевыми стратегиями *de re* (пример 1) и речевой стратегией *de dicto* (пример 2). Трудность, стоящая перед лингвистом-экспертом, заключается в том, что с помощью маркеров-деавторизаторов, реализующих стратегию *de re*, говорящий выстраивает личную картину мира, что свидетельствует о выражении мнения, оценки. Возникает конфликт между положениями Конституции РФ о свободе мысли и слова и реальной интенцией говорящего, направленной на осознанное, неискреннее, некооперативное речевое поведение.

Излишнее акцентирование внимания на недостоверных источниках информации служит подтверждением того, что адресант настроен на недобросовестное информирование адресата.

Согласно Т. Б. Радбилю, «любое эксплицитное выражение истины на лексическом уровне потенциально имеет значительный манипулятивный потенциал. Иными словами, чем чаще говорящий апеллирует к «истине», тем меньше в его суждениях истины, потому что объективная истина на самом деле нуждается в верификации, т.е. в подтверждении ее соответствия фактам,

а не в словесной экспликации в режиме метатекстового включения» (Радбиль, 2014: 140).

Приведем ряд примеров, соответствующих этой мысли:

Всем известно, что многие крупные банки в регионах вели недобросовестную конкурентную борьбу, — говорит председатель правления Локо-банка Дмитрий Крюков. — Заявление ФАС каким-то образом старается защитить интересы акционеров небольших региональных банков. (РБК Daily, 2009.02.26)

Пожар в Перми заставляет задуматься о том, насколько дееспособны в России надзорные органы власти. Всем известно, что именно на уровне надзорных инспекций коррупция в стране процветает, несмотря на все попытки властей задушить ее. Любой бизнесмен расскажет, что просто так отвадить пожарного инспектора от своей точки не удастся. Чиновничью забывчивость придется щедро проспонсировать. (РБК Daily, 2009.12.07)

Американская телекомпания FoxNews утверждает, что близкие певца, включая родителей и сестру Джанет, несколько раз в панике звонили в службу спасения. В окружении поп-короля поговаривают, что Майкла нередко рвет кровью, у него разрушена печень, а общее состояние близко к критическому. Впрочем, официального подтверждения этому пока нет. Однако доподлинно известно, что певец давно пристрастился к алкоголю и сильнодействующим медицинским препаратам, уверяют тележурналисты. (Комсомольская правда, 2007.07.02)

В последнем примере нарушается логика высказывания, потому что элементы *доподлинно известно* (с одной стороны) и *уверяют журналисты* (с другой стороны) взаимоисключают друг друга. Необходимо ссылаться либо на общеизвестный факт, либо на чужое мнение.

Таким образом, можно сделать вывод, что излишнее «педалирование» недостоверными источниками в коммуникации является немотивированным, подобное речевое поведение можно трактовать как некооперативное, в

процессе общения адресату навязываются суждения, мнения, утверждения путем речевых манипуляций. Такой способ ухода от правовой ответственности, как стратегия деавторизации, обнаруживает свою несостоятельность. Однако необходимо обратить внимание и на то, что следует проводить анализ каждой речевой ситуации и каждого суждения. Общих принципов, универсалий, которые могут распространяться на все высказывания, не существует, и существовать не могут в силу их многообразия.

3.3. Средства экспрессивного синтаксиса, реализующие неискренний дискурс

Экспрессивная речь придает большую выразительность высказыванию, создает образность, интенсивность называемых объектов, ситуаций. Впервые об экспрессивности языка написала Е. М. Галкина-Федорук, утверждавшая, что «экспрессивность в речи – это усиление выразительности и изобразительности» (Галкина-Федорук, 1958: 105).

Синтаксический строй языка обладает большими возможностями в создании выразительности и образности речи, он увеличивает эмоциональную функцию высказывания, что оказывает большее воздействие на адресата. Очевидно, что экспрессивный синтаксис увеличивает прагматический потенциал высказывания, в частности иллокутивный и перлокутивный эффекты любого РА. Однако бесспорно и другое: в ситуации нейтрального стиля изложения, когда адресант выбирает ассертивные высказывания, реализующие одну интенцию говорящего – донести достоверную информацию, употребление конструкций экспрессивного синтаксиса можно считать неуместным.

Изложение фактов и истины не требует дополнительных выразительных инструментов, поскольку они могут отвлечь от главной идеи и мысли высказывания. Осознанное использование экспрессивных элементов

указывает на манипуляции на уровне восприятия адресата, на умышленное воздействие, которое призвано скрыть истинную интенцию адресанта сообщения.

Особенно эффективными средствами экспрессивного синтаксиса вместо нейтрального стиля изложения следует признать риторический вопрос, вопросно-ответную форму изложения, иронию, умолчание, метафору. С помощью этих приемов адресант избегает прямых номинаций, заменяя их на косвенные. Это отсылает нас к такой тактике ухода от правовой ответственности, как затемнение референта.

Рассмотрим пример:

Чудо, которое на Евро сотворили с футболистами нашей сборной специалисты по физподготовке Раймонд Верхейен и Арно Филипс, научившие их бегать быстрее голландцев и прыгать выше шведов, заставило нас задуматься: а честно ли едят свой хлеб спецы в российских клубах? (Советский спорт, 2008.07.05)

Риторический вопрос – стилистическая фигура, имеющая вопросительную форму, но утвердительное содержание. В приведенном высказывании риторический вопрос *А честно ли едят свой хлеб спецы в российских клубах?* представляет собой имплицитное утверждение *Спецы в российских клубах нечестно едят свой хлеб*. Адресант сообщения с помощью риторического вопроса актуализирует в восприятии адресата эту информацию, но не подает ее в виде ассертива. Очевидно, что риторический прием, которому предшествуют слова *заставило нас задуматься* призван стимулировать в сознании адресата желание также задуматься над этим вопросом (*А честно ли едят свой хлеб спецы в российских клубах?*), однако ответ на него скрыто диктует адресант сообщения. Произведенный перлокутивный эффект совпадает с авторской интенцией, что говорит об общей успешности РА. Говорящий, применяя манипулятивный прием, склоняет на свою сторону адресата сообщения, однако, с точки зрения права,

избегает правовой ответственности за свое речевое поведение, поскольку высказывание не имеет утвердительной формы.

Интерес представляет и такое средство экспрессивного синтаксиса, как вопросно-ответная форма повествования:

Что же мы этих дядек, таких же обычных россиян, с запредельным рвением натравливаем на таких же дядек? Разве мы не знаем, что, когда городским властям или любым сильным мира сего понадобится, любое прежнее решение может быть объявлено неправильным и отменено в два счета? Очень прекрасно знаем. Разве мы не видели, как строят элитные дома на месте московских усадеб, охранявшихся тем же законом? Да сто раз видели. Разве не помним, как на берегах подмосковных водохранилищ по мановению волшебной палочки выросли дворцы, а смельчаки-префекты громогласно сносили хижины, притулившиеся обочь? Ой, помним...

(Известия, 2010.02.01) Особенность вопросно-ответной формы повествования в том, что на каждый риторический вопрос адресант сообщения дает свой ответ. В приведенном примере ответы не повторяют ту часть вопроса, в которой заключена потенциально конфликтная информация. Адресант не дает возможности адресату сообщения ответить самостоятельно на поставленный вопрос, ответ уже дан и других вариантов нет. Говорящий навязывает слушающему свою точку зрения, привлекает его на свою сторону, не дает возможности думать иначе, чем он. Пресуппозицией риторических вопросов являются следующие утверждения: *любое прежнее решение может быть отменено, если городским властям или другим «сильным мира сего» это понадобится; на месте московских усадеб, охраняющихся законом, строят элитное жилье; на берегах подмосковных хранилищ строили дворцы, а префекты сносили стоящие рядом постройки.* Также в пресуппозитивной форме актуализируется смысл о незаконности всех этих действий.

Интерес представляет и такое средство экспрессивного синтаксиса, как ирония и иронические кавычки. Согласно О. П. Ермаковой, под иронией

«понимается языковая мистификация, преднамеренное несоответствие буквального и подразумеваемого смысла слов или высказывания в целом для выражения насмешки, издевательства или шутки» (Ермакова, 1999: 36). Обычно ирония употребляется без кавычек, но если адресант сообщения не уверен, что будет понят правильно, то использует графические подсказки. Ирония имеет двойной смысл: тот, что высказан (ложный посыл), и тот, что подразумевался (истинный посыл). Говорящий рассчитывает на адекватное восприятие истинного смысла, завуалированного с помощью риторического приема. Например: *Но в отличие от некоторых он не шумел, он ждал. Ждал своего часа. "Новые чеченцы" на очередной сходке пошли даже дальше президента Дудаева. Они приняли поистине "гениальное" решение: если мафию победить нельзя, ее надо возглавить* (Труд-7, 2001.08.30)

Умолчание – средство экспрессивного синтаксиса, представляющее собой намеренно не законченное высказывание, позволяющее адресату додумать конец самостоятельно. Стоит отметить, что в рамках манипулятивных приемов, умолчание не дает свободу адресату, иначе невозможно будет признать коммуникацию успешной. М. А. Осадчий приводит пример из листовки: *Русский, тебя спаивают, твою страну населяют инородцы, твое правительство давно служит не тебе, а заморскому дяде, тебя готовят на убой! Что, так и будешь сидеть на диване и пить пиво? Или...* (Осадчий, 2013: 187). Отсутствие окончания высказывания полностью снимает ответственность с адресанта, поскольку недосказанность должна быть заполнена адресатом. Однако, манипулируя сознанием получателя сообщения, адресант диктует направление выбора заполнения недосказанности через окружающий контекст. Сочинительный разделительный союз *или* указывает на необходимость выбора между взаимоисключающими или заменяющими друг друга вариантами, а выбранные лексемы (*русский, инородцы, заморский дядя*) отчетливо дают понять, каким должен быть выбор адресата. Вербальных признаков призыва в тексте нет, но нужно иметь в виду, что он расположен на листовке, которая,

как правило, предназначена для агитации или информирования. Интенцию адресанта нельзя выявить из пресуппозиции высказывания, поскольку нет текста высказывания, но можно предположить, что составитель листовки использует прием умолчания только в том случае, если уверен в правильном (с точки зрения адресанта) заполнении пробела адресатом. В противном случае адресант осознанно стремится к коммуникативной неудаче, что противоречит всему контексту высказывания.

Таким образом, прием умолчания в языковом плане является наиболее трудным и сложным случаем для лингвиста-эксперта, поскольку дает возможность анализировать только предыдущий умолчанию контекст, содержащий предпосылки и необходимые условия правильного заполнения пробела.

Метафора – скрытое сравнение одного (неназванного) предмета или явления с другим на основании их общего признака. Метафора представляет собой слово или выражение, употребленное в переносном значении, отсутствие прямой номинации лица или явления осложняет процесс квалификации речевого действия как противоправного. Однако существует большое количество работ, посвященных зоосемантическим метафорам, которые составляют отдельную группу в классификации инвективной лексики. К этой теме обращались Н. Д. Голев (1999), В. М. Мокиенко (1994), В. И. Жельвис (2000), А. Н. Баранов (2007) и др. В указанных работах проводился анализ метафор как конфликтных элементов, подчеркивающих отрицательные свойства человека (свинья, кобыла, корова и др.).

Стратегия ухода от ответственности, представленная косвенной номинацией, с помощью метафоры формально затемняет референт сообщения, но при анализе всего текста высказывания выявить референта не составляет труда: *Заседание суда состоялось в рамках дела по налоговому мошенничеству на сумму свыше 1,3 миллиона долларов. Как сообщает Daily Mail, информация о незадекларированных доходах Масловской всплыла после того, как родственники начали делить наследство 90-летнего умершего*

миллионера Бруно Шуберта. Вспомнили, что *русской любовнице пивной король* подарил презентов по крайней мере на 2,5 миллиона долларов. А вот налогов с них *красавица* не заплатила. Кстати, среди этих подарков, помимо наличных денег, были машины, драгоценности, путешествия в экзотические места, счета из дорогих магазинов. (Комсомольская правда, 2014.03.13) Выделенные фрагменты представляют собой метафору, замещающую имя и фамилию человека его национальностью и социальной ролью (*русская любовница*), сферой деятельности и уровнем социального благополучия (*пивной король*), внешней характеристикой (*красавица*). Адресант осознанно избегает прямых номинаций, поскольку это может повлечь правовую ответственность за свое речевое поведение, однако говорящий также стремится, чтобы адресат, на основе своих знаний и наблюдений, правильно интерпретировал и сопоставил введенные номинации. В тексте фигурирует только одна русская женщина – Масловская, один мужчина – Бруно Шуберт. Поскольку эксперт должен проводить исследование всего текста, то анализ внутритекстовых связей позволяет сделать вывод, что используемые метафоры затемняют именно Масловскую и Шуберта.

Таким образом, можно сделать вывод, что в высказывании *а вот налогов с них красавица не заплатила* метафора *красавица* отсылает к Масловской. Предложение, выраженное в форме асертива *красавица (Масловская) не заплатила налоги*, может быть верифицировано судом.

Косвенная номинация не порождает в сознании адресата новый объект высказывания, она создает новый смысл уже известного образа, его новую интерпретацию.

Экспрессивные синтаксические конструкции усиливают воздействующую функцию высказывания, но не информационную. На первый план выходит реализация скрытой интенции адресанта (недобросовестно информировать, дискредитировать) с помощью риторических вопросов, метафоры, иронии и других тропов и фигур,

помогающих имплицитно актуализировать в восприятии адресата дополнительные смыслы высказывания, корректирующие представления слушающего в заданном направлении. Очевидно, что участник коммуникации, который стремится добросовестно донести до слушателя информацию, не станет использовать подобные приемы, чтобы не отвлечь от главной мысли повествования.

Заключение

Лингвоэкспертология – молодая отрасль отечественной прикладной лингвистики, стремительно развивающаяся с начала 90-х годов XX века. Лингвистическая экспертиза вырабатывает свои методы и инструменты анализа продуктов речевой деятельности, попадающих как под квалификацию «речевое преступление», так и под квалификацию «уход от правовой ответственности за речевое преступление».

Одним из универсальных инструментов, помогающих решить вопрос квалификации речевого деяния, можно назвать теорию речевых актов, сформулированную в середине XX века Дж. Остином. ТРА нацелена на учет всех дискурсивных условий речевого акта – анализ пропозиции, пресуппозиции, истинной / неистинной, скрытой / прямой интенции адресанта. Возможность определения коммуникативной направленности высказывания (его иллокутивной силы), искренности / неискренности речевого акта представляет теорию речевых актов не столько теорией, сколько прикладным инструментом лингвиста-эксперта, помогающим определить сущность таких важнейших речевых категорий, как утверждение, мнение, оценка, призыв, клевета, угроза, оскорбление и мн. др. Эти возможности теории речевых актов могут понадобиться при решении вопросов не только в порядке судебного разбирательства по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц (ст. 152 Гражданского Кодекса Российской Федерации); об оскорблении (ст. 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях); о клевете (ст. 128.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации), но и в неоднозначных ситуациях, не связанных с судом, например, в сфере публичной коммуникации или межличностного общения.

Настоящее исследование – попытка применить теорию речевых актов к сформулированным М. А. Осадчим стратегиям и тактикам ухода от правовой ответственности (манифестации субъективности, затемнении референта,

автореабилитации, деавторизации, разорванной предикации), причем не столько для проверки адекватности метода ТРА к извлечению коммуникативных намерений говорящего, сколько для апробации этой теории в практике реальной лингвистической экспертизы. В работе привлекались фрагменты экспертиз, осуществленных известными лингвистами, проведенные с использованием стандартных методов анализа текста (экспертиза Ю. А. Сафоновой и Б. С. Шварцкопфа), которых хватило для полного и всестороннего исследования. Также привлекались фрагменты экспертиз (Ю. А. Сафоновой), которые подтверждали недостаточность методологической базы для дачи объективного, воспроизводимого, верифицируемого заключения. Можно предположить, что теория речевых актов может стать одним из методов лингвистической экспертизы, позволяющим грамотно решать многие вопросы, поставленные перед лингвистом-экспертом.

Важно и то, что ТРА помогает выявить намерения говорящего даже в тех случаях, когда с точки зрения закона говорящий неподсуден и ненаказуем, поскольку представляет свои высказывания не в виде утверждений, а в виде мнений, оценки, использует средства экспрессивного синтаксиса, косвенные номинации и т.д., что осложняет возможность верификации полученной информации. Однако было выяснено, что любой речевой акт должен соответствовать нескольким критериям успешности, в том числе должен реализовываться критерий искренности речевого акта. При осознанном нарушении критерия истинности говорящим можно судить о том, что он использует манипулятивные приемы, которые помогают достичь истинной интенции (с одной стороны) и избежать правовой ответственности (с другой стороны). В теории речевых актов выработаны принципы дифференциации искренних и неискренних речевых стратегий, основывающиеся на способах подачи информации, ее содержательных и речевых признаках. В ходе исследования были выявлены пять языковых

признаков недобросовестного информирования, соотносимых со стратегиями и тактиками уклонения от правовой ответственности:

- 1) обилие языковых средств неопределенности;
- 2) использование речевой стратегии *de re* (вместо нормативной *de dicto*);
- 3) средства уклонения от ответственности говорящего за высказывание (безличные конструкции, МЫ-изложение, пассивные конструкции с отсутствием творительного субъекта и пр.);
- 4) излишнее «педалирование» недостоверных источников информации;
- 5) средства экспрессивного синтаксиса вместо нейтрального стиля изложения.

Например, в высказывании *если бы он [Порошенко] проводил минимально вменяемую политику, если бы был готов на настоящий диалог с восставшим Донбассом, на минимальное уважение прав и свобод русских жителей, то смириться с его властью возможно было бы хотя бы на краткую перспективу* можно выявить следующую пресуппозицию: с его властью смириться невозможно; он ведет невменяемую политику, ведет ненастоящий диалог с Донбассом, не уважает права и свободы русских жителей. Такая пресуппозиция выводится из того, что при выражении гипотетической ситуации адресант имплицитно утверждает, что в реальности ситуация обратная. Придаточная условная часть подразумевает прямо противоположный скрытый ассертив. Можно сказать, что говорящий умышленно прибегает к условной конструкции, т.к. в ней центральным элементом выступает главная часть: *с политикой Порошенко можно смириться*. Однако скрытый посыл, обнаруживающийся в придаточных условиях, раскрывает истинную интенцию адресанта: *проводимая политика невменяема, нет настоящего диалога с Донбассом, нет уважения к правам и свободам русских жителей*.

Как представляется, необходимо анализировать пресуппозиции высказывания, поскольку именно в них заключена истинная интенция

адресанта сообщения. Теория речевых актов позволяет лингвисту-эксперту выявлять скрытые смыслы высказывания, языковые признаки некооперативной коммуникации, манипулятивные приемы, направленные на распространение порочащей, негативной информации.

Настоящее исследование не претендует на исчерпывающее изложение всех возможностей теории речевых актов в лингвоэкспертной деятельности. Очевидно, что неисследованных вопросов больше, чем решенных, поэтому перспектива исследования представляется вполне ясной. Например, обнаружение новых языковых признаков недобросовестного информирования, выявление новых квалифицирующих признаков противоправного речевого поведения и др.

Апробация работы:

1. Доклад «Стратегии и тактики ухода от правовой ответственности в аспекте теории речевых актов» на второй научно-практической конференции «Лингвистическая судебная экспертиза: теория и практика», проходившей в Институте лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге 27–28 апреля 2018 года.

Источники

1. Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. URL: <http://rusexpert.ru/> (Дата обращения: 07.05.18)
2. Известия. Москва, 2013—2014. URL: <https://iz.ru/newspaper> (Дата обращения: 07.05.2018)
3. Комсомольская правда. СПб., 2006—2012.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ) URL: <http://www.constitution.ru/> (Дата обращения: 07.05.18)
5. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: www.ruscorpora.ru. (Дата обращения: 07.05.2018)
6. РБК Daily URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/> (Дата обращения: 07.05.2018)
7. Советский спорт. Москва, 2011—2013.
8. Труд. Москва, 2001—2005.

Список литературы

9. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса: Учебное пособие. М., 1984. — 212 с.
10. Аллен Дж. Ф., Перро Р. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 322 — 362.
11. Арутюнова Н. Д. Перформатив // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 372 — 373.

12. Арутюнова Н. Д. Речевой акт // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 412 — 413.
13. Базылев В. Н. Конфликтные ситуации в сфере политико-правовой коммуникации /В. Н. Базылев // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. С. 159 — 168.
14. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1990. — 378 с.
15. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие / А. Н. Баранов. М.: Флинта - Наука, 2007. — 592 с.
16. Богданов В. В. Иллокутивная функция высказывания и перформативный глагол // Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин, 1983. С. 27 — 38.
17. Богданов В. В. Классификация речевых актов // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989. С. 25 — 37.
18. Богданов В. В. Речевое общение: Прагматические и семантические аспекты. Л., 1990. — 88 с.
19. Богданов В. В. Перформативное предложение и его парадигмы // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. Калинин, 1985. С. 18 — 28.
20. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К. И. Бринев; под редакцией Н.Д. Голева. Барнаул: АлтГПА, 2009. — 252 с.
21. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 251—275.
22. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 238 — 269.

23. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Е. М. Галкина-Федорук // Сборник статей по языкознанию. М.: Наука, 1958. С. 103 — 124.
24. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотипное. М., 2007. — 144 с.
25. Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения: Монография / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. М., 2003. — 236 с.
26. Галяшина Е. И., Горбаневский М. В., Стернин И. А. Лингвистические признаки диффамации в теории и практике судебных лингвистических экспертиз // Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. М., 2005. № 1 (6). С. 24 — 39.
27. Глаголев Н. В. Ложная информация и способы ее выражения в тексте // Филологические науки. 1987. № 4 (160). С. 61 — 68.
28. Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика: Проблемы и перспективы: межвуз. сб. научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул.: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 7 — 38.
29. Горбаневский М. В. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультантов/ Под ред. проф. М. В. Горбаневского. М.: Медия, 2004 г. — 104 с.
30. Гранева И. Ю. Местоимения мы, вы, наши в различных коммуникативных стратегиях // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. №2 (2). С. 371 — 375.
31. Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988. С. 153 — 211.
32. Дейк Т. А. ван Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. — 308 с.

33. Демьянков В. З. Конвенции, правила и стратегии общения: (Интерпретирующий подход к аргументации) // Изв. АН СССР. Сер. Литературы и языка. М., Т. 41. № 4, 1982. С. 327 — 337.
34. Демьянков В. З. «Теория речевых актов» в контексте современной лингвистической литературы (обзор направлений) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 223 — 235.
35. Демьянков В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. С. 239 — 320.
36. Дэйвисон А. Лингвистическое или прагматическое описание: Размышления о парадоксе перформативности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 235 — 250.
37. Ермакова О. П. Ирония и проблема лексической семантики // Известия РАН. Сер. лит. и яз. Т. 61. №4, 2002. С. 30 — 36.
38. Жельвис В. И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр.; Под. ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. С. 8 — 40.
39. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/invektivy-v-sovremennoi-razgovornoj-rechi#ixzz5Fw7hdBA1>
40. Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике. М.: Изд-во МГУ, 1996. — 336 с.
41. Иваненко Г. С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации / Г. С. Иваненко. Челябинск: «Полиграф-Мастер», 2006. — 228 с.
42. Иваненко Г. С. Текстовые тактики ухода от правовой ответственности при реализации стратегии дискредитации / Вестник костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Кострома, 2013. Т.19. № 4. С. 134 — 137.

43. Иванова А. А. Брачное объявление в аспекте теории речевых актов. СПб., 2016. — 56 с.
URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/3355/1/st011455.pdf> (Дата обращения: 16.05.18)
44. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с.
45. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: Дисс. ... д-ра филол. наук. Омск, 1999. — 385 с.
46. Кобозева И. М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 7 — 21.
47. Кобозева И. М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 7 — 21.
48. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. — 232 с.
49. Кулинич Е. В. Специфика самопрезентации как коммуникативного явления // Вестник Томского государственного ун-та. Томск, 2007. № 299 (I). С. 7 — 10.
50. Лакофф Дж. Прагматика в естественной логике. *Перевод с английского И. В. Перцова* // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 439 — 471.
51. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1975. — 304 с.
52. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 281 — 309.
53. Мокиенко В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. Берлин, №1/2. 1994. С. 50 — 73.

54. Наумова Л. А. Пресуппозиции в логике и лингвистике // Философия: в поисках онтологии: Сборник трудов Самарской гуманитарной академии. Вып. 5. Самара: Изд – во СаГА, 1998. С. 236 — 255.
55. Новосельцева О. О. Высказывания, выражающие оценку истинности чужого сообщения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1997. — 20 с.
56. Осадчий М. А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. — 256 с.
57. Остин Дж. Л. Перформативы — констати́вы // Философия языка. М., 2004. С. 23 — 35.
58. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 22 — 130.
59. Ощепкова Н. А. Стратегии и тактики в аргументативном дискурсе: Прагмалингвистический анализ убедительности рассуждений: Дис. ... канд. филол. наук. Калуга: Калужск. гос. пед. ун-т, 2004. — 200 с.
60. Падучева Е. В. Высказывание и соотнесенность с действительностью / Е. В. Падучева. М.: Наука, 1985. — 271 с.
61. Падучева Е. В. Пресуппозиции и другие виды неэксплицитной информации в тексте / Е. В. Падучева // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1981. № 11. С. 23 — 30.
62. Плотникова С. Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического ун-та, 2000. — 244 с.
63. Почепцов О. Г. Основы прагматического описания предложения. Киев, 1986. — 116 с.
64. Почепцов Г. Г. мл. Коммуникативные аспекты семантики. Киев, 1987. — 129 с.

65. Почепцов Г. Г. мл. Нестандартное употребление перформативных высказываний // Коммуникативно–прагматические и семантические функции речевых единств. Калинин, 1980. С. 106 — 111.
66. Радбиль Т. Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2014. №6. С. 146 — 149.
67. Радбиль Т. Б. Человеческий фактор в языке: лингвистическая прагматика и теория речевых актов (Основные термины и понятия): Учебно-методическое пособие для студентов, обучающихся по специальности «Филология». Нижний Новгород, 2006. — 60 с.
68. Радбиль Т. Б. Модальные операторы со значением истинности в национально-специфичных моделях организации дискурса // Русский язык как государственный язык Российской Федерации в условиях полиэтнического и поликультурного региона: материалы межрегион. науч. конф., г. Саранск, 22–24 мая 2013 г.: / сост.: Э. Н. Акимова; Гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарёва», филологический фак.; оргком.: М.В. Мосин (сопред.) [и др.]. Москва, Саранск: ПРО100 Медиа, 2013. С. 14 — 17.
69. Радбиль Т. Б., Юматов В. А. Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 1-1. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2013. С. 286 — 290.
70. Ратинов А. Р. Послесловие юриста. «Когда не стесняются в выражениях...» // Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами. Изд. 2, перераб. и доп. / Под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. М., 2004. С. 101 — 116.

71. Свинцов В. И. Заблуждение, ложь, дезинформация (соотношение понятий и терминов) // *Философские науки*. 1982. № 1. С. 76 — 84.
72. Свинцов В. И. Истинностные аспекты коммуникации и проблемы совершенствования речевого сообщения // *Оптимизация речевого воздействия*. М.: Наука, 1990. С. 68 — 86.
73. Сёрль Дж. Классификация иллокутивных актов // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 170 — 194.
74. Сёрль Дж. Что такое речевой акт? // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 151 — 169.
75. Сёрль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 18: Логический анализ естественного языка. М., 1986. С. 242 — 265.
76. Столнейкер Р. С. Прагматика. *Перевод с английского В. В. Туровского* // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 419 — 439.
77. Стросон П. Намерение и конвенции в речевых актах // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 131 — 150.
78. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. М., 2006. — 2000 с.
79. Сухих С. А. Речевые интеракции и стратегии / С. А. Сухих // *Языковое общение и его единицы* / под. ред. И. П. Сусова. Калинин, 1986. С. 71 — 77.
80. Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 363 — 373.
81. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз/ под ред. М. В. Горбаневского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Галерея, 2002. — 336 с.

82. Черкасская Н. Н. Стратегии и тактики в апеллятивном речевом жанре: Дис. ... канд. филол. наук. Ижевск: Удмуртск. гос. ун-т, 2009. — 200 с.
83. Ыйм Х. Я. Прагматика речевого общения / Х. Я. Ыйм // Теория и модели знаний: Труды по искусственному интеллекту. Тарту: Тарт. гос. у-т, 1986. Вып. № 714. С. 196 — 207.
84. Bach K. Speech Acts and Pragmatics // Blackwell Guide to the Philosophy of Language. 2003.
85. Lakoff G. Hedges A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. 1972. P. 183 — 228.
86. Wunderlich D. Studien zur Sprechakttheorie. Frankfurt / M., 1976.

Словари

87. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2000. — 1536 с.